

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

БАНДУРА ОКСАНА ОЛЕГОВНА

*кандидат психологических наук,
доцент кафедры консультативной психологии и психологии здоровья
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
dz.bandura@mail.ru*

OKSANA O. BANDURA

*Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Counseling and Health Psychology
of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

УСОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИСЛАВОВНА

*студентка Санкт-Петербургского государственного
института психологии и социальной работы,
usova.working@gmail.com*

ANASTASIYA V. USOVA

Student of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ ЖЕНЩИН, ПЕРЕЖИВШИХ НАСИЛИЕ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ

FEATURES OF SELF-ATTITUDE OF WOMEN WHO HAVE EXPERIENCED ABUSE IN CHILDHOOD

Аннотация. Интерес к самоотношению при исследовании проблем сознания очень высок в контексте различных научных направлений и несовпадающих научных парадигм. При наличии многочисленных исследований самосознания феномен искажений самоотношения вследствие пережитого в детстве насилия у взрослого человека тем не менее изучен недостаточно. В психологической литературе вырисовывается недостаток работ как теоретического, так и эмпирического характера, исследующих проблемы влияния насилия на самоотношение; не существует единого видения данной области в психологии, не сложился полноценный терминологический и концептуальный аппарат. В статье представлен обзор различных последствий насилия над детьми для формирования самоотношения. В частности, анализируются первичные результаты эмпирического исследования самоотношения женщин, переживших насилие в детском возрасте.

ABSTRACT. Interest in self-relation in the study of problems of consciousness has very high rate in the context of various scientific directions and different scientific paradigms. Although there are numerous studies of self-awareness, the phenomenon of self-relation distortion due to violence experienced in childhood in an adult, however, has not been sufficiently studied. In the psychological literature, there is a lack of works of both theoretical and empirical nature that explore the problems of the influence of violence on self-relation. There is no unified vision of this field in psychology, and a full-fledged terminological and conceptual apparatus has not developed. This article provides an overview of the various effects of child abuse on the formation of self-attitude. In particular, it analyzes the primary results of an empirical study of the self-attitude of women who have experienced abuse in childhood.

Ключевые слова: отсроченные последствия насилия, психотравма, самоотношение, ICAST-R, исследование самоотношения, жизнестойкость, смысловые ориентации.

KEYWORDS: Delayed consequences of violence, psychotrauma, self-attitude, ICAST-R, self-attitude research, resilience, life orientations.

Проблема насилия в детском возрасте остаётся одной из наиболее актуальных социально-психологических проблем современного общества. Исследователями выделяются различные виды

и формы насилия, а также различные виды его последствий (физические, психологические, социальные и самая крайняя степень — суицид). В то же время все авторы сходятся на том, что опыт

насилия, особенно пережитый в детстве, в процессе становления, выступает своеобразным контекстом развития ребёнка, обуславливая направленность и содержание развития личности, а также ведёт к формированию специфических внутренних противоречий, обуславливая как формирование определённых личностных черт и конструктов, так и особенности взаимодействия с окружающими людьми.

На формирование отношения к себе существенное влияние оказывают семейная обстановка и характер детско-родительских отношений. Феноменологически самоотношение имеет тенденцию к устойчивости и закреплению, влияет на чувство удовлетворённости и зависит от таких факторов, как семейная ситуация, в которой происходит формирование психики ребёнка, жизненных установок, принятие личностных особенностей и прочее. Для здоровой личности характерно наличие позитивного образа «Я», из чего следует, что самоотношение тесно связано с функционированием защитных механизмов психики. Ю. А. Шмидт подразделяет самоотношение на позитивное, негативное и амбивалентное [12, с. 305].

Позитивное самоотношение сопровождается ощущением эмоционального комфорта и способствует формированию адекватных реальности и позитивных воззрений на жизнь, процессам саморегуляции и самоактуализации. Позитивное самоотношение является необходимым компонентом для успешного существования в обществе и социализации, а также способствует раскрытию внутреннего потенциала личности [12, с. 305].

Негативное самоотношение способно приводить к отклоняющемуся поведению, а также способствует проявлению аутоагрессии личности. Людям с негативным самоотношением сложнее взаимодействовать с социальной средой. У них проявляются трудности в сфере коммуникаций, как следствие наличия негативных установок в отношении самого себя. Им свойственно более ригидное поведение. Следствием негативного самоотношения могут являться также такие тяжёлые последствия, как химические и нехимические зависимости, агрессивное поведение, правонарушения и суицидальные тенденции [12, с. 305].

При амбивалентном самоотношении присутствует рассогласованность мотивов бессознательного и сознательного уровней психики. Амбивалентное самоотношение характеризуется позитивным отношением к себе в повседневной, привычной ситуации, способным сменяться резко отрицательными реакциями в отношении своего «Я» в стрессовых ситуациях. Такие реакции могут включать самообвинение, самоунижение, самоприговоры и прочее. Конфликтное самоотношение характеризуется активной жизненной позицией индивида при наличии определённой непоследовательности в поведении и действиях. Такая неустойчивость суждений о себе вынуждает человека выбирать наиболее лёгкие пути решения жизненных задач [12, с. 305].

В детском возрасте определяющую роль в формировании самоотношения играет семья,

формирующая личность ребёнка и предоставляющая ему первые примеры взаимодействия с людьми и миром. Родители для ребёнка являются первым образом значимых «других» и представляют собой пример для подражания, с которого копируется модель отношений с миром, формируются источники оценки собственного поведения и проводник первичного социального опыта. Из специфики отношений с родителями ребёнком создаётся специфический образ «Я» и образ мира в целом [11, с. 347].

Важную роль в формировании глубоких последствий насилия над ребёнком для взрослого человека также играет тот факт, что ребёнок не в состоянии принять амбивалентного родителя, его положительные и отрицательные стороны личности одновременно. Независимо от ситуации, ребёнок пытается сохранить представления о родителе как о «хорошем», что приводит к отрицанию факта насилия, усугубляющему глубину травмы. Ребёнок переживает отвержение и враждебность со стороны родителя, но отрицание выступает защитным механизмом, не давая это осознать [7, с. 225].

Распространённость феномена насилия по отношению к ребёнку обуславливается в том числе специфической ситуацией зависимости, в которой ребёнок пребывает по отношению ко взрослому. Ребёнок способен контролировать весьма незначительное количество явлений и полностью зависит от внешних обстоятельств и окружающих его взрослых. Таким образом, риск переживания психотравмирующих событий для него значительно выше, чем для взрослого человека [8, с. 88].

Самоотношение ребёнка вследствие переживания им насилия испытывает серьёзные деформации. Его образ «Я», как правило, упрощается и носит менее дифференцированный характер. В структуре самоотношения ребёнка, испытывающего насилие, обнаруживаются такие компоненты, как устойчивые представления о себе как о жертве, представления о частях тела, присутствующих в центре событий, значительно преувеличиваются или преуменьшаются. Оно также характеризуется разрозненностью и противоречивостью. Низкая самооценка, способствующая сохранению и закреплению психологических последствий, является наиболее характерной реакцией на переживание насилия в детском возрасте. Также общей тенденцией для людей с подобным опытом являются утрата ощущения собственной ценности и закрытость перед новым опытом [5, с. 81–82].

Насилие в детском возрасте формирует у ребёнка «подневольное» поведение в отношениях с ближайшим окружением, а также недоверие и ощущение непредсказуемости и ненадёжности мира. Следствием этого является нарушение чувства автономии, образа тела, способности к регуляции аффекта и управлению импульсами [6, с. 66].

Внутренний диалог людей, переживших в детстве опыт насилия, неустойчив и часто несёт деструктивный характер. Е. Т. Соколова, так же, как и другие авторы, отмечает, что формирование Я-образа и отношений с собственным телом в условиях эмоционального голода, часто сопровождающего насилие, приводит к искажению и нарушению

этих психологических структур. Я-образ носит неустойчивый характер, расплывчат, отличается значительной проницаемостью, уязвимостью к любым воздействиям. Амбивалентность образа взрослого в глазах ребёнка — от отвергающего к любящему — приводит к патологизации межличностных отношений [10, с. 126].

У. Вирц к последствиям пережитого в детстве насилия для формирования самооотношения относит утрату ощущения идентичности, самоотчуждение. Для жертв насилия характерны ощущение потери значимой части собственного «Я», ощущение принесённой жертвы, усиливающее чувства изолированности и вины [3, с. 218].

Разнообразие влияний пережитого в детстве насилия на самооотношение взрослого описывает И. М. Пономарёва, дифференцируя последствия относительного вида пережитого опыта. Так, последствия психологического насилия, входящего в состав всех прочих видов, в первую очередь характеризуются депривацией базовых потребностей, таких как потребность в любви, принятии, понимании, уважении и принадлежности. Эмоциональное отвержение со стороны родителя приводит к нарушению способности устанавливать эмоциональные связи, что, в свою очередь, мешает формированию чувства общности с другими людьми и приводит к отвержению ребёнком себя самого. Сохраняясь во взрослом возрасте, тенденция к обесцениванию собственных чувств и самоотвержению приводит к нарушению способности наслаждаться жизнью в целом. Неспособность устанавливать ограничения, неопределённость, хрупкость и проницаемость границ также характерны для самооотношения женщин, переживших насилие в детском возрасте. Их образ «Я» искажён пережитым опытом, они склонны обвинять себя за произошедшее, что приводит к снижению чувства собственной значимости и ценности [9, с. 71–73].

К последствиям физического и сексуального насилия для самооотношения женщин И. М. Пономарёва относит главным образом утрату доверия к себе и миру. Длительная ситуация невозможности дать отпор агрессору приводит к фиксации ощущения беспомощности, выработке защитной стратегии в виде расщепления «Я». Женщины, пережившие в детстве опыт насилия, склонны к отчуждению от собственного тела, восприятию его как чуждого, «не своего», как объекта, с которым происходит «что-то», чего с ними не происходит. Им также свойственны нарушения Я-концепции, выражающиеся в чувстве вины и депрессивных тенденциях [9, с. 71–73].

По результатам теоретического анализа можно сделать вывод, что самооотношение женщин, переживших в детстве опыт насилия, носит, в целом, негативный характер. Формируясь непредсказуемыми, отвергающими, небезопасными отношениями со взрослыми в детстве, оно характеризуется противоречивостью, наличием негативных установок насчёт собственной личности и отношения к себе других людей. Длительная невозможность получить удовлетворение потребностей в детстве приводит к формированию

самоотношения, в котором присутствует выраженное ощущение беспомощности, неспособности повлиять на события своей жизни, отстранённости от мира, изолированности от других людей. Как следствие, такой человек теряет интерес к своей жизни и деятельности, его способность справляться с трудными жизненными ситуациями значительно снижена.

Методика. Для исследования использовались следующие методики: методика *ICAST-R* («Ретроспективный опросник наличия фактов насилия в детстве») М. Дунна и Б. Макфарлэна, адаптация Е. Н. Волковой, авторская анкета, методика исследования самооотношения (МИС) С. Р. Пантелеева, методика С. Мадди, тест жизнестойкости, адаптация Д. А. Леонтьева, тест «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева, методика диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна.

Адаптированная методика *ICAST-R* (Ретроспективный опросник наличия фактов насилия в детстве) была включена для выявления у испытуемых фактов пережитого в детстве насилия и разделения на две группы, подлежащие последующему сравнению. В группу 1 вошли женщины, заявившие о наличии в детском опыте фактов насилия, в группу 2 — отрицающие наличие опыта насилия в детстве [5, с. 71].

Женщинам было предложено заполнить авторскую анкету с целью первичного отбора кандидатов по возрасту (от 18 до 25 лет) и продолжительности посещения психолога (6 месяцев и более). Она состоит из 5 вопросов с вариантами ответов, характеризующих возраст, семейное положение, социальный статус, а также частоту и продолжительность посещений психолога испытуемыми.

Целью исследования являлось изучение особенностей самооотношения у женщин, переживших насилие в детском возрасте.

В выборку были включены женщины в возрасте от 20 до 25 лет, посещающие психолога более полугода. В исследовании приняли участие 46 испытуемых, из них были выделены 28 женщин, переживших насилие в детском возрасте, и 18 женщин, не подвергавшихся насилию в детском возрасте, на основании данных опросника *ICAST-R*.

Согласно полученным данным, 18 респондентов не сталкивались с насилием физического или эмоционального характера, и им не говорили о том, что они недостойны любви.

На рисунке 1 отражены данные опросника *ICAST-R*, касающиеся возрастных характеристик встречаемости различных видов насилия.

Проанализировав полученные данные, можно заметить, что с физическим насилием испытуемые сталкивались преимущественно в возрасте от 5 до 9 лет, далее этот уровень снижался, и для возраста 10–13 лет более характерно эмоциональное насилие. Говорили, что недостойны любви, чаще в возрасте от 10 до 17 лет.

На рисунке 2 отражены полученные из авторской анкеты данные, касающиеся семейного положения испытуемых, полученные у женщин, переживших насилие в детском возрасте (группа 1)

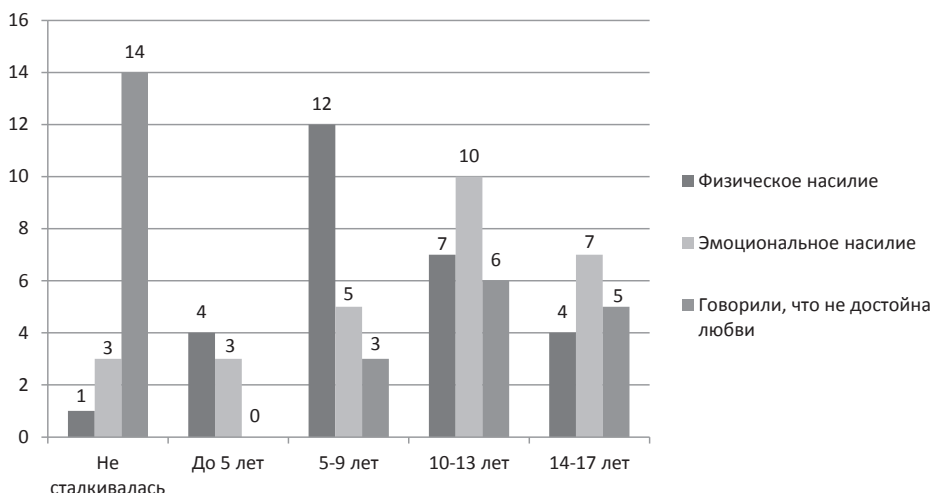

Рис. 1. Возрастные показатели встречаемости насилия у женщин, которые пережили насилие в детском возрасте

и не переживавших такого опыта в детстве (группа 2) и позволяющие сравнить демографические характеристики двух групп.

Так, для женщин, переживших в детстве насилие, преимущественно характерно семейное положение «не замужем» (79%), тогда как для группы 2 более характерно семейное положение «замужем» (56%).

На рисунке 3 отражён социальный статус испытуемых. Из полученных данных видно, что для женщин, переживших насилие в детском возрасте, наиболее характерно наличие работы по найму (43%), отсутствие работы встречается в случае 5 опрошенных (18%). Для женщин, не переживавших насилие в детском возрасте, наиболее характерным социальным статусом является работа по найму (61%), отсутствие работы наименее характерно (5%).

Также обнаружено различие между женщинами, переживавшими и не переживавшими насилие в детском возрасте, относительно частоты и продолжительности посещений психолога. Данные на рисунках 4 и 5.

На рисунке 5 видно, что для женщин, переживших насилие в детстве, наиболее характерна

нерегулярность посещений психолога (75%). Для женщин, не переживавших насилия в детском возрасте, примерно одинаково характерна нерегулярная частота посещений психолога (56%) и 1 раз в неделю (44%), прочие вариации не встречались.

Мы можем видеть, что у женщин, переживших насилие в детском возрасте, наиболее распространена продолжительность от полугода до года (46%) и от года до пяти лет (43%), тогда как большая часть опрошенных среди женщин, не переживавших в детстве насилия, посещают психолога от полугода до года (89%).

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что женщины, пережившие насилие в детском возрасте, в основном пребывают в статусе «не замужем», а также по сравнению с женщинами, не подвергавшимися насилию в детстве, у них в большем количестве случаев отсутствует занятость, они чаще посещают психолога нерегулярно, и срок посещения психолога в их случае более продолжителен, что может говорить о том, что потребность в психологической помощи у женщин, переживших насилие в детском возрасте, сравнительно выше.

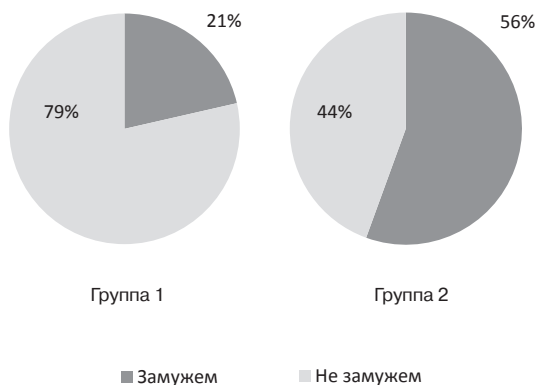

Рис. 2. Данные о семейном положении испытуемых

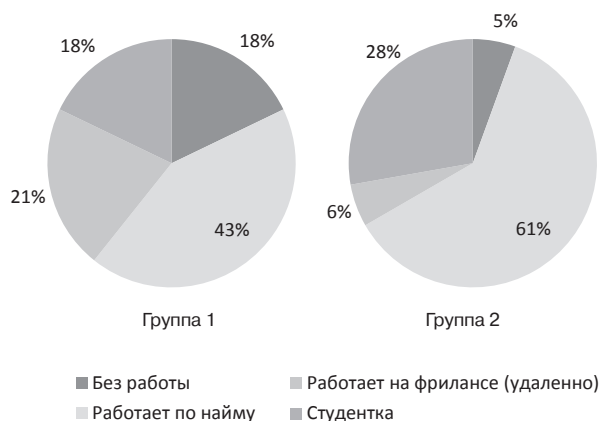

Рис. 3. Данные о социальном статусе испытуемых

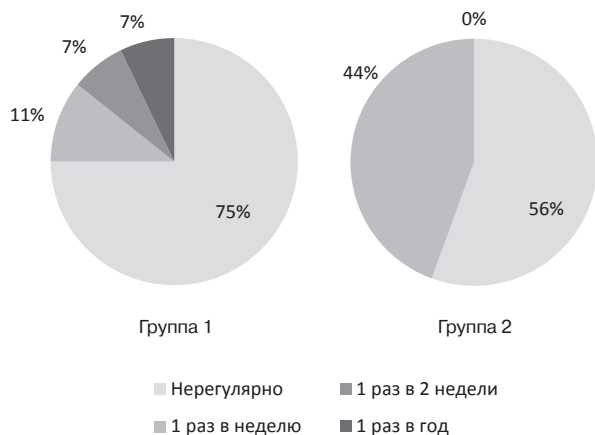

Рис. 4. Частота посещений психолога испытуемыми

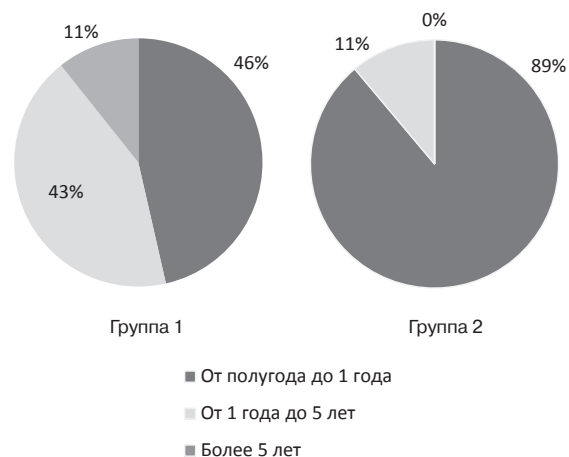

Рис. 5. Продолжительность посещений психолога испытуемыми

Данные, полученные с использованием методики диагностики самооценки мотивации одобрения Д. Марлоу и Д. Крауна, свидетельствуют о том, что влияние тенденции давать социально одобряемые ответы у испытуемых не выражено и результаты исследования можно считать достоверными.

Сравнительный анализ показателей самоотношения, жизнестойкости и осмысленности жизни осуществлялся с использованием как средних значений, так и *U*-критерия Манна—Уитни.

Самоотношение женщин изучалось при помощи методики исследования самоотношения С.Р. Пантелеева (МИС). Рассмотрим полученные результаты.

Исследование самоотношения позволило выявить значительные различия между женщинами, пережившими насилие в детском возрасте,

и группой женщин, не переживавших насилие в детстве. Ниже приведена диаграмма статистически значимых различий средних значений в исследуемых группах (рис. 6).

Статистически значимые различия на уровне значимости $p \leq 0,01$ обнаруживаются по всем шкалам, кроме «Искренность» и «Самоценность». В целом, показатели самоотношения характеризуются более низкими значениями для женщин, переживших насилие в детском возрасте, и более высокими для женщин, не подвергавшихся в детстве насилию. Исключением являются показатели по шкалам «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение», по которым были получены высокие значения для первой группы и низкие — для второй.

Исходя из полученных данных, можно охарактеризовать самоотношение женщин, переживших

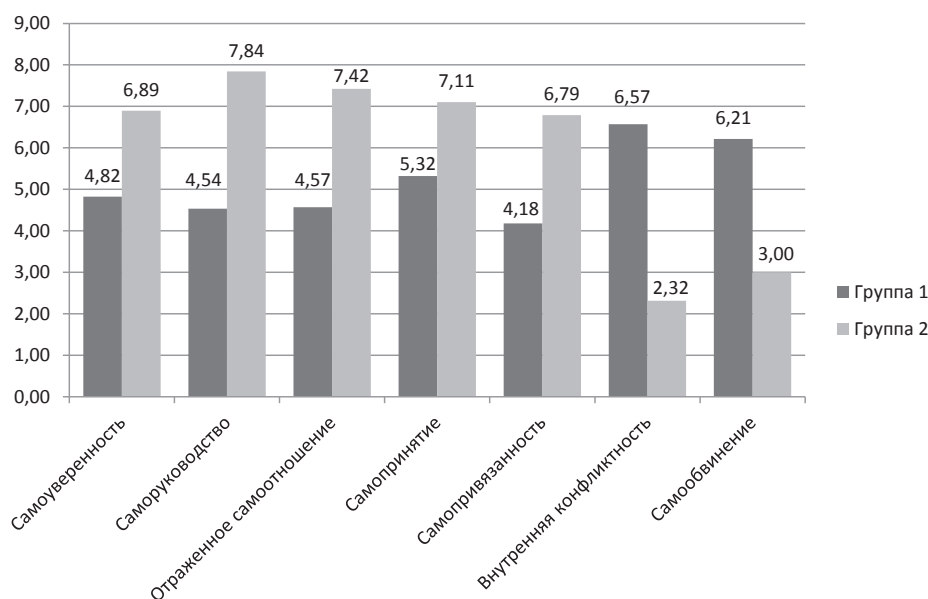

Рис. 6. Результаты сравнительного анализа особенностей самоотношения женщин, переживавших насилие в детском возрасте и не переживавших такого опыта, по методике исследования самоотношения

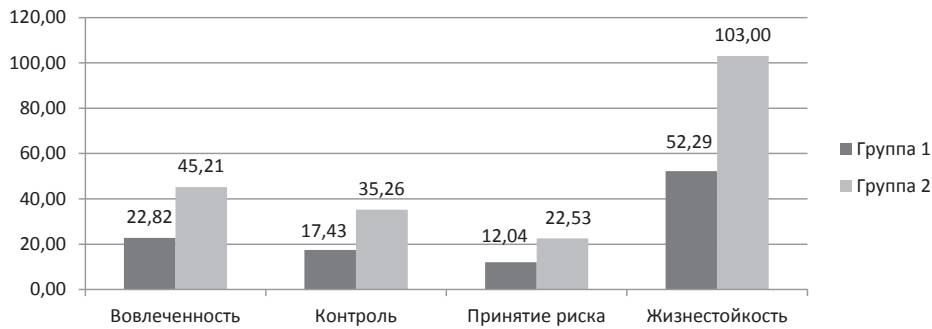

Рис. 7. Результаты сравнительного анализа показателей жизнестойкости женщин, переживавших насилие в детском возрасте и не переживавших такого опыта, по тесту жизнестойкости

насилие в детском возрасте, как в целом негативное и конфликтное, что согласуется с данными других авторов [5; 10; 11; 12]. Наиболее значимые различия получены по шкалам «Саморуководство», «Отраженное самоотношение», «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение». Таким образом, данные компоненты самоотношения можно считать ведущими коррекционными мишенями для формирования позитивного гармоничного самоотношения женщин, переживших насилие в детском возрасте.

Был выполнен сравнительный анализ показателей жизнестойкости с использованием как средних значений, так и *U*-критерия Манна—Уитни.

Ниже мы привели диаграмму статистически значимых различий средних значений в исследуемых группах (рис. 7).

Получены статистически значимые различия на уровне значимости $p \leq 0,01$, по всем показателям жизнестойкости для исследуемых групп. В целом, показатели жизнестойкости характеризуются более низкими значениями для женщин, переживших насилие в детском возрасте, и более высокими для женщин, не переживавших в детстве опыта насилия. Показатели первой группы соответствуют низким значениям по всем шкалам, кроме шкалы «Принятие риска». Показатели во второй группе соответствуют высоким значениям по всем шкалам.

Далее анализировалась мера осмысленности жизни испытуемых в исследуемых группах при помощи методики «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева. Был выполнен сравнительный анализ показателей осмысленности жизни с помощью как сравнения средних значений, так и *U*-критерия Манна—Уитни. Ниже приведена диаграмма статистически значимых различий средних значений в исследуемых группах (рис. 8).

В целом, получены статистически значимые различия на уровне достоверности $p \leq 0,01$ по всем показателям. У женщин, подвергавшихся насилию в детстве, выявлены данные, соответствующие нижней границе средних значений, по субшкалам «Цель в жизни», «Локус контроля — я» и «Локус контроля — жизнь», а также данные, соответствующие низким значениям, по субшкалам «Процесс в жизни», «Результативность жизни» и общему интегральному показателю осмысленности жизни. Полученные данные позволяют констатировать у женщин, переживших насилие в детском возрасте, наличие неудовлетворенности своим прошлым, отсутствие интереса к происходящему в настоящем и отсутствие осмысленной цели в будущем. У них отсутствует вера в собственную способность влиять на события жизни и контролировать их. Для женщин, не переживавших в детстве опыт насилия, выявлены данные, соответствующие высоким

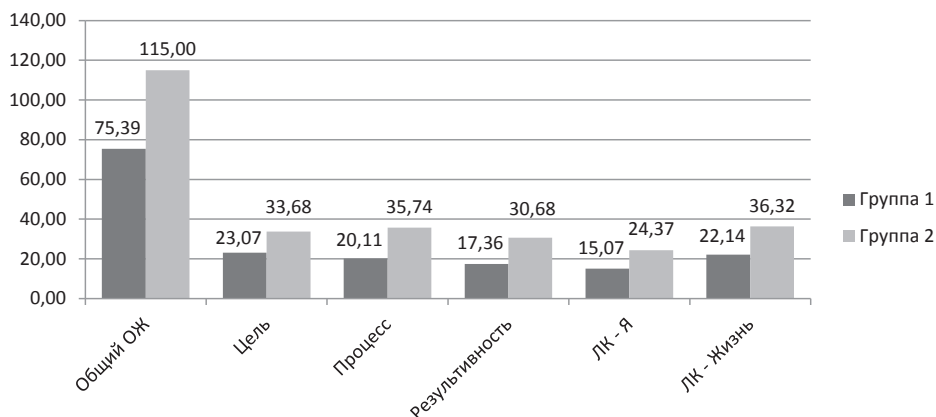

Рис. 8. Результаты сравнительного анализа показателей осмысленности жизни у женщин, переживавших насилие в детском возрасте и не переживавших такого опыта, по тесту смысложизненных ориентаций

Коэффициенты корреляции показателей самооотношения, жизнестойкости и смысложизненных ориентаций у женщин, переживших насилие в детском возрасте

	Самоуверенность	Саморуководство	Отражение самооотношения	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутр. конфликтность	Самообвинение
Вовлечённость	0,773**	0,656**	0,621**	0,388*	0,573**	0,571**	-0,625**	-0,533**
Контроль	0,716**	0,575**	0,406*	0,289	0,508**	0,635**	-0,578**	-0,606**
Принятие риска	0,431*	0,392*	0,336	0,060	0,352	0,481**	-0,614**	-0,555**
Жизнестойкость	0,789**	0,607**	0,491**	0,358	0,567**	0,668**	-0,636**	-0,626**
Общая осмысленность жизни	0,776**	0,649**	0,417*	0,230	0,456*	0,678**	-0,512**	-0,537**
Цель в жизни	0,723**	0,624**	0,403*	0,195	0,446*	0,725**	-0,507**	-0,546**
Процесс	0,679**	0,636**	0,390*	0,254	0,577**	0,659**	-0,515**	-0,597**
Результативность жизни	0,804**	0,669**	0,528**	0,371	0,596**	0,657**	-0,589**	-0,624**
Локус контроля — Я	0,717**	0,588**	0,371	0,126	0,313	0,603**	-0,385*	-0,404*
Локус контроля — Жизнь	0,663**	0,751**	0,461*	0,261	0,429*	0,614**	-0,552**	-0,528**

Примечание: * — различия статистически значимы ($p \leq 0,05$); ** — различия статистически достоверны ($p \leq 0,01$);

значениям, по субшкалам «Процесс в жизни», «Результативность жизни», «Локус контроля — я» и «Локус контроля — жизнь», данные, соответствующие верхней границе средних значений по общему интегральному показателю осмысленности жизни, и данные, соответствующие средним значениям по субшкале «Цель в жизни». Это, в целом, характеризует женщин, не имеющих в детстве опыт насилия, как удовлетворённых своим настоящим и прошлым, уверенных в способности влиять на события своей жизни и имеющих в будущем цель, способную придать жизни смысл.

Далее проводился корреляционный анализ исследуемых характеристик.

Взаимосвязи показателей самооотношения, жизнестойкости и осмысленности жизни исследовались с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Значимые корреляционные взаимосвязи показателей самооотношения, жизнестойкости и смысложизненных ориентаций у женщин, переживших насилие в детском возрасте, представлены в таблице 1.

Показатели самооотношения, взаимосвязанные с показателями жизнестойкости женщин, переживших насилие в детском возрасте, представлены наглядно на рисунке 9.

Были выявлены значимые взаимосвязи показателей жизнестойкости со всеми показателями жизнестойкости для женщин, переживших насилие в детском возрасте.

Показатели самооотношения, взаимосвязанные с показателями смысложизненной сферы женщин, переживших насилие в детском возрасте, представлены наглядно на рисунке 10.

Были выявлены значимые взаимосвязи показателей самооотношения со всеми показателями

смысложизненной сферы для женщин, переживших насилие в детском возрасте, кроме самооценности, не имеющей значимых связей с показателями смысложизненной сферы. Результаты исследования позволяют рассматривать компоненты самооотношения как коррекционные мишени для повышения жизнестойкости и осмысленности жизни: можно предположить, что повышение жизнестойкости и осмысленности жизни у женщин, переживших насилие в детском возрасте, связаны с улучшением их самооотношения.

Анализ данных, полученных у женщин, переживших насилие в детстве, показывает, что между шкалами «Самоуверенность» и «Саморуководство» существует статистически достоверная положительная связь со шкалами «Вовлечённость», «Контроль», «Жизнестойкость», общим показателем осмысленности жизни, а также субшкалами «Цель в жизни», «Процесс жизни», «Результативность жизни», «Локус контроля — я», «Локус контроля — жизнь». А также статистически значимая положительная связь со шкалой «Принятие риска».

Такой результат позволяет предположить, что чем более выражено в результате психологической помощи у женщин, переживших насилие в детском возрасте, самоуважение, чем больше они способны относиться к себе как к уверенному, надёжному человеку, чем больше они ощущают собственное «Я» как внутренний стержень, направляющий их активность, тем больше их вовлечённость в события собственной жизни и тем менее беспомощными они себя ощущают. Тем более они верят в то, что всё происходящее способствует их развитию, и тем выше их удовлетворённость прошлым, настоящим и будущим.

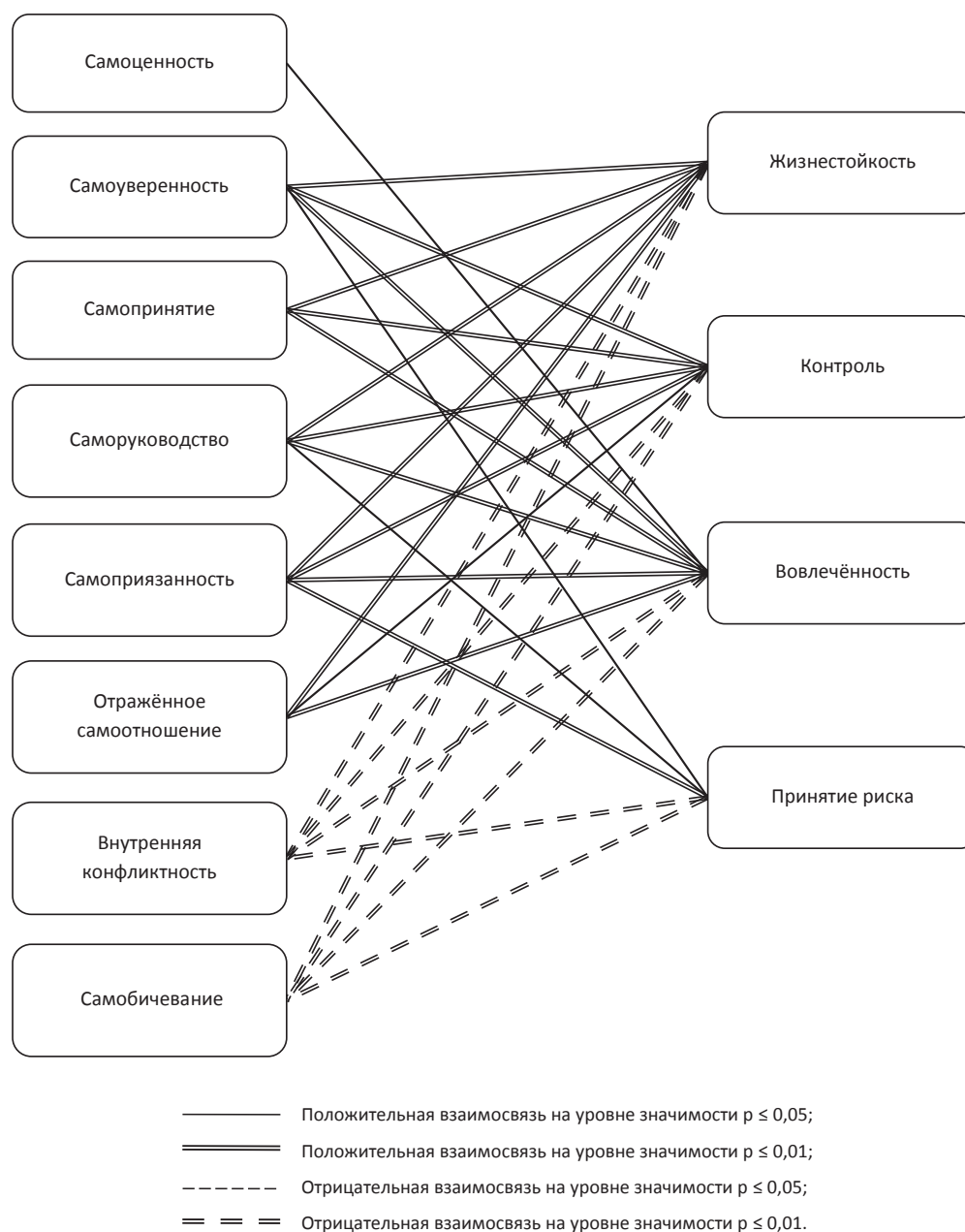

Рис. 9. Взаимосвязь показателей самоотношения с показателями жизнестойкости у женщин, переживших насилие в детстве

По шкале «Отражённое самоотношение» обнаружены статистически достоверные положительные связи со шкалами «Вовлечённость», «Жизнестойкость» и субшкалой «Результативность жизни». А также статистически значимая положительная связь со шкалой «Контроль», общим показателем осмысленности жизни и субшкалами «Цель в жизни», «Процесс жизни» и «Локус контроля — Жизнь». Такой результат позволяет предположить, что у женщин, переживших в детстве насилие, чем больше уверенности в собственной способности вызывать у других людей уважение и симпатию, тем более они ощущают себя включёнными

в события собственной жизни и более удовлетворены настоящим и прошлым. Они ощущают тем большую способность влиять на события своей жизни и ставить цели на будущее, способные придать жизни смысл.

По шкале «Самоценность» была обнаружена единичная статистически значимая положительная связь со шкалой «Вовлечённость». Это позволяет предположить, что чем более выражено ощущение ценности собственной личности у женщин, переживших насилие в детском возрасте, тем более они способны получать удовольствие от собственной деятельности и заинтересованы в собственной жизни.

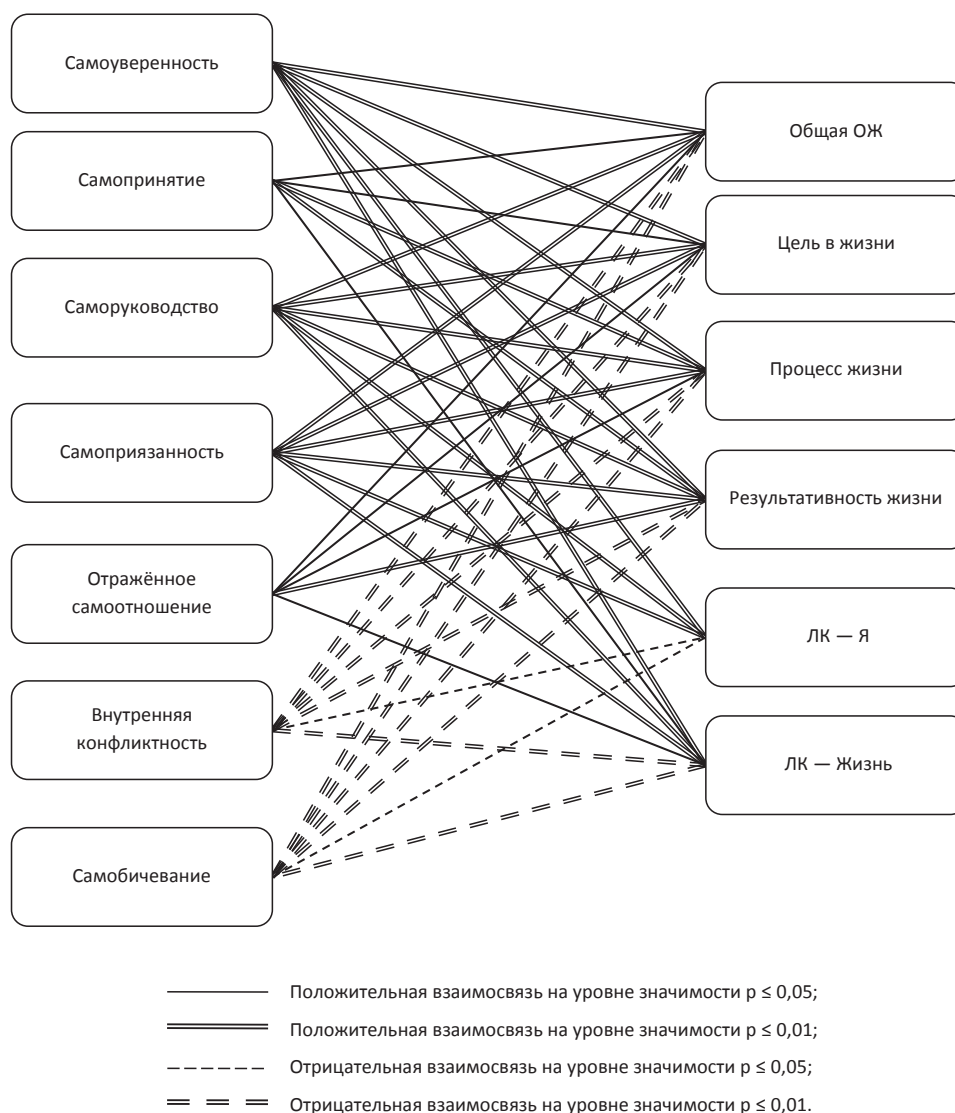

Рис. 10. Взаимосвязь показателей самоотношения с показателями смысложизненной сферы у женщин, переживших насилие в детстве

По шкале «Самопринятие» обнаружены статистически достоверные положительные взаимосвязи со шкалами «Вовлечённость», «Контроль» и «Жизнестойкость», а также субшкалами «Процесс в жизни» и «Результативность жизни». А также статистически значимая положительная связь с общим показателем осмысленности жизни и субшкалами «Цель в жизни» и «Локус контроля — Жизнь». Это позволяет предположить, что чем более они способны оценивать себя положительно, включая собственные недостатки, тем более включёнными в события собственной жизни они себя ощущают, испытывают большую уверенность в способности влиять на события жизни, более позитивно оценивают события прошлого и настоящего и тем более они способны ставить значимые цели на будущее.

По шкале «Самопривязанность» была обнаружена статистически достоверная связь со всеми шкалами теста жизнестойкости, общим показателем

осмысленности жизни и всеми субшкалами теста смысложизненных ориентаций. Такой результат позволяет предположить, что чем большим желанием и готовностью к изменениям своей личности характеризуются женщины, пережившие насилие в детском возрасте, тем больше будут их интерес к жизни и вовлечённость в неё, осмысленность жизни, ощущения собственной способности влиять на события жизни и удовлетворённость прошлым, настоящим и будущими перспективами.

По шкалам «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение» были выявлены статистически достоверные отрицательные связи со всеми шкалами теста жизнестойкости, общим показателем осмысленности жизни и всеми субшкалами теста смысложизненных ориентаций, кроме субшкалы «Локус контроля — Я», отрицательная связь с которой является статистически значимой. Это означает, что чем выше показатели шкал «Внутренняя

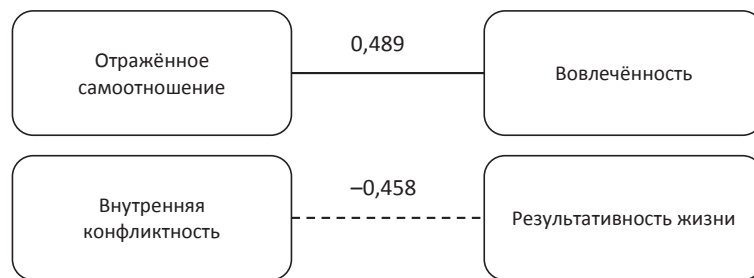

Рис. 11. Показатели самоотношения, связанные с показателями смысложизненной сферы и жизнестойкости у женщин, не переживавших насилие в детском возрасте

конфликтность» и «Самообвинение», тем ниже будут показатели жизнестойкости и смысложизненных ориентаций. Это может свидетельствовать о том, что чем более выражена склонность испытывать отрицательные эмоции в адрес своего «Я», а также наличие внутренней рассогласованности у женщин, переживших насилие в детстве, тем меньше у них возможностей испытывать интерес к собственной жизни, тем более они ощущают себя «вне» жизни. Они чувствуют себя тем более беспомощными и менее удовлетворёнными, осмысливая события прошлого или настоящего, и тем менее они способны находить в будущем цели, способные придать их жизни смысл.

Корреляционный анализ для группы женщин, не переживавших в детстве насилия, позволил выявить статистически значимые связи, отражённые на рисунке 11.

Нам удалось выявить положительную связь между шкалой «Отражённое самоотношение» методики исследования самоотношения и шкалой «Вовлечённость» теста жизнестойкости. Отрицательная взаимосвязь обнаружена между шкалой «Внутренняя конфликтность» методики исследования самоотношения и субшкалой «Результативность жизни» теста смысложизненных ориентаций. Это означает, что, чем выше показатели по шкале «Отражённое самоотношение» у женщин, не переживавших насилия в детском возрасте, тем выше у них показатели по шкале «Вовлечённость», а чем выше показатели по шкале «Внутренняя конфликтность», тем ниже показатели субшкалы «Результативность жизни». Такой результат даёт основание предположить, что интерес к событиям собственной жизни во второй группе напрямую связан с тем, насколько положительно, по их мнению, их оценивают окружающие, насколько к ним испытывают уважение. А наличие внутренней рассогласованности взаимосвязано с чувством удовлетворённости прожитой частью жизни.

Обобщая результаты корреляционного анализа данных, можно сделать вывод о наличии тесных взаимосвязей показателей самоотношения у женщин, переживших насилие в детском возрасте, с показателями жизнестойкости и осмысленности жизни, в то время как у женщин, не подвергавшихся

в детстве насилию, выявлены единичные связи данных показателей. Можно предположить, что наличие тесных взаимосвязей в первой группе обусловлено значимо более негативным самоотношением переживших насилие, на что указывают данные сравнительного анализа, приведённого выше. Связь отрицательного самоотношения с нарушениями смысложизненной сферы, в частности, хорошо согласуется с когнитивной моделью депрессии А. Бека, включающей негативное представление о себе и одновременно — негативное восприятие своего будущего [1].

Результаты проведённого нами исследования, отображённые в таблице 1, свидетельствуют о том, что показатели самоотношения положительно связаны с показателями жизнестойкости и смысложизненной сферы. С учётом полученных средних значений по показателям можно сделать вывод, что негативное, в целом, самоотношение связано с низкой жизнестойкостью и низкой осмысленностью жизни, что согласуется с данными научных исследований [2; 4]. По результатам исследования компоненты самоотношения рассматриваются как вероятные коррекционные мишени для повышения жизнестойкости и осмысленности жизни. Соответственно, можно предположить, что чем более выражено в результате психологической помощи у женщин, переживших насилие в детском возрасте, позитивное самоотношение, тем выше жизнестойкость и осмысленность жизни.

Выводы по результатам эмпирического исследования. Анализ особенностей переживания насилия женщинами в детском возрасте показал, что 18 респонденток из общей выборки не сталкивались с насилием в детстве, — они составили контрольную группу. В экспериментальную группу включены 28 женщин. Из них 27 сталкивались с физическим насилием, 25 — с эмоциональным насилием, при этом 14 женщинам говорили, что они недостойны любви. Наибольшая частота встречаемости характерна для физического насилия, осуществлявшегося более 10 раз, и эмоционального насилия, осуществлявшегося более 10 раз. Менее всего испытуемые встречались с тем, что им говорили, что они недостойны любви. Испытуемые сталкивались с насилием преимущественно в возрасте от 5 до 9 лет, далее этот уровень снижался,

и для возраста 10–13 лет более характерно эмоциональное насилие. Говорили, что недостойна любви, чаще в возрасте от 10 до 17 лет. Это позволяет сделать вывод о том, что с увеличением возраста девочки и её способности противостоять насилию наблюдается тенденция к переходу от физического насилия к эмоциональному.

Сравнительный анализ показателей самооценки женщин в исследуемых группах позволил выявить, что женщины, пережившие насилие в детстве, являются существенно менее самоуверенными и характеризуются более низким отражённым самооценением, саморегуляцией, самопринятием и самопривязанностью, а также более высокой внутренней конфликтностью и самообвинением по сравнению с женщинами, не сталкивавшимися с насилием в детстве.

В то же время женщины, пережившие насилие в детстве, обладают существенно более низкой жизнестойкостью по сравнению с женщинами, не сталкивавшимися с насилием в детстве. В частности, женщины, которые пережили в детстве насилие, характеризуются более низкой заинтересованностью в собственной жизни и деятельности, неуверенностью в собственной способности влиять на события своей жизни, а также неспособностью действовать в отсутствие надёжных гарантий, по сравнению со второй группой.

У женщин, переживших насилие в детстве, существенно снижена осмысленность жизни. По сравнению с женщинами, которые не сталкивались с насилием в детстве, у первой группы существенно слабее сформированы жизненные цели, ниже ориентация на процесс и результат жизненной деятельности, а также ниже вера в то, что они

могут влиять на события, происходящие в их жизни, и что эти события в принципе поддаются контролю.

Полученные данные и проведённый сравнительный анализ двух групп позволяют подтвердить гипотезу о том, что у женщин, переживших насилие в детском возрасте, показатели самооценки характеризуются более негативным самооценением, более низкой жизнестойкостью и осмысленностью жизни, чем у группы женщин, не подвергавшихся насилию в детском возрасте.

Анализ взаимосвязей исследуемых характеристик выявил тесную положительную взаимосвязь таких показателей самооценки, как «самоуверенность», «саморегуляция», «отражённое самооценение», «самопринятие», с показателями жизнестойкости и смысловых ориентаций и тесную отрицательную взаимосвязь «внутренней конфликтности» и «самообвинения» с данными показателями. То есть чем выше позитивные характеристики самооценки у женщин, переживших насилие, тем выше их жизнестойкость и мера осмысленности жизни. При этом чем выше внутренняя конфликтность и самообвинение, тем ниже жизнестойкость и осмысленность жизни. Таким образом, данные компоненты самооценки являются ведущими коррекционными мишенями для формирования позитивного самооценения женщин, переживших насилие в детском возрасте.

Полученные данные позволили подтвердить гипотезу о том, что мера выраженности позитивного самооценения женщин, переживших насилие в детском возрасте, положительно взаимосвязана с мерой выраженности показателей жизнестойкости и осмысленности жизни.

1. Бек А. и др. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003. 304 с.
2. Боголюбова О.Н. Субъективная картина будущего и дезадаптация у людей, переживших насилие в детстве: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04. СПб., 2006. 221 с.
3. Виртц У. Убийство души: инцест и терапия. М.: Когито-Центр, 2015. 293 с.
4. Волкова Е.Н. Особенности образа «Я» личности, считающей себя испытавшей насилие: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Барнаул, 2004. 270 с.
5. Волкова Е.Н. и др. Проблема насилия над детьми: поиски и решения. М.: Флинта, 2017. 240 с.
6. Кадыров Р.В., Ковалев И.А., Ильина И.С. Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики личности наркозависимых // ТМЖ. 2016. №4 (66). С. 66–69.
7. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. СПб.: Питер, 2019. 832 с.
8. Петрова Е.А. Влияние детского травматического опыта на формирование психопатологической симптоматики взрослых людей // Вестник НовГУ. 2016. № 2 (93). С. 88–91.
9. Пономарёва И.М. Работа психолога в кризисных службах: учебное пособие. СПб.: СПбГИПСП, 2016. 280 с.
10. Ситников В.Л. Образ тела в сознании виктимных подростков, переживших сексуальное насилие // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2016. №2. С. 118–129.
11. Сторожева Ю.А. Взаимосвязь образа родителей в юношеском возрасте // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №3. С. 346–349.
12. Шмидт Ю.А. Коррекция влияния самооценки в формировании чувства удовлетворённости жизнью у подростков посредством психологического консультирования / Ю.А. Шмидт. Иркутск: ООО «Издательство Оттиск», 2019. С. 302–306.

References

1. Beck A. *Cognitive therapy of depression*. The Guilford Press. 1979. 425 p. (Rus. ed.: Bek A. Kognitivnaya terapiya depressii. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 304 p.)
2. Bogolyubova O.N. *Subyektivnaya kartina budushchego i dezadaptatsiya u lyudey, perezhivshikh nasiliye v detstve: Avtoref. dis. ... cand. psikhol. nauk* [Subjective picture of the future and disadaptation in people who have

- experienced violence in childhood: Cand. Sc. (Psychology) dissertation abstract]. St. Petersburg, 2006. 221 p. (In Russian).
3. Wirtz U. *Seelenmord: Inzest und Therapie*. Kreuz-Verlag, 2001. 290 p. (In German) (Rus. ed.: Virts U. *Ubiystvo dushi: Intsest i terapiya* [Killing the soul: Incest and therapy]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2015. 293 p.)
 4. Volkova Ye.N. *Osobennosti obraza Ya lichnosti, schitayushchey sebya ispytavshoy nasiliye: Avtoref. dis. ... cand. psikholog. nauk* [Features of the self-image of people who consider themselves to have experienced violence: Cand. Sc. (Psychology) dissertation abstract]. Barnaul, 2004. 270 p. (In Russian).
 5. Volkova Ye.N. *Problema nasiliya nad detmi: poiski i resheniya* [The problem of child-abuse: search and solutions]. Moscow: Flinta Publ., 2017. 240 p. (In Russian).
 6. Kadyrov R. V., Kovalyev I. A., Ilyina I. S. *Psikhicheskaya travma rannego vozrasta i psikhologicheskiye kharakteristiki lichnosti narkozavisimyykh* [Psychological tender age trauma and psychological internals of drug addicts]. *Tikhookeanskiy meditsinskiy zhurnal — Pacific Medical Journal*, 2016, 4 (66), pp. 66–69 (in Russian).
 7. Malkina-Pykh I. G. *Viktimologiya* [Victimology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2019. 832 p. (In Russian).
 8. Petrova Ye. A. *Vliyaniye detskogo travmaticheskogo opyta na formirovaniye psikhopatologicheskoy simptomatiki vzroslykh lyudey* [Influence of traumatic experience on making psychopathological semiology among adults]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Novgorod State University*, 2016, 2 (93), pp. 88–91 (in Russian).
 9. Ponomareva I. M. *Rabota psikhologa v krizisnykh sluzhbakh: uchebnoye posobiye* [Work as a psychologist in crisis services: manual]. St. Petersburg: Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work Publ., 2016. 280 p. (In Russian).
 10. Sitnikov V. L. *Obraztela v soznanii viktimnykh podrostkov, perezhivshikh seksualnoye nasiliye* [Body image in the minds of victimized adolescent survivors of sexual violence] *Uchenyye zapiski Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskiye nauki — Scientific Notes of Transbaikalian State University. Series: Pedagogical Sciences*, 2016, (2), pp. 118–129 (in Russian).
 11. Storozheva Yu. A. *Vzaimosvaz obraza roditeley v yunosheskom vozraste* [Interrelation between parents' image in the young age]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya — World of Science. Pedagogy and psychology*, 2019, (3), pp. 346–349 (in Russian).
 12. Shmidt Yu. A. *Korreksiya vliyaniya samootnosheniya v formirovanii chuvstva udovletvorennosti zhizni u podrostkov posredstvom psikhologicheskogo konsultirovaniya* [Correction of the influence of self-attitude in the formation of a sense of life-satisfaction in adolescents through psychological counseling]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2019, pp. 302–306 (in Russian).